

***Ефремов Николай Николаевич,**
доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики
Южного Федерального университета,
кандидат философских наук,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Клод Леви-Стросс: начало творческой биографии в контексте эпохи

К. Леви-Стросс возглавляет небольшую, но очень значимую группу мыслителей (Л. Леви-Брюль, М. Мосс, Ж. Сустель), которые пришли в этнологию (французский аналог антропологии) из философии и сформировали ее как достойный вклад Франции в историю мировой мысли XX века. Ведь традиционно этнологи приходили из самых разных сфер знания, и это свидетельствовало скорее о распаде этих последних, а не о тесных взаимосвязях между разными гуманитарными сферами [1]. Так Поль Риве, как и большинство его коллег, пришел из медицинской среды. Марсель Гриоль, бывший в молодости авиатором, распрощался для этого со Школой восточных языков, Мишель Лейри пришел из поэзии и сюрреалистического искусства, Альфред Метро – из Школы хартий, где он был соучеником Жоржа Батая. Таким образом, этнологическая среда, представленная лично, оказывается предельно многообразной, и этому способствует также то, что этнологи с самого начала «не проповедуют узкоклановую логику поведения» [2].

Особенность «французской линии» в гуманитарной жизни середины XX века, которая в значительной мере объясняет и саму возможность возникновения этнологии, связана, прежде всего, со структурализмом. С самого начала своего существования последний находит олицетворение в фигуре Клода Леви-Стросса. Так сложилось, что, взвалив на себя эту ношу, он всей своей творческой и жизненной судьбой стремился соответствовать такой роли. Для этого пришлось реализовать богатый творческий потенциал новой сферы интеллектуального труда, героически преодолеть ее раздробленность и найти свой вариант равновесия между чувственным и сверхчувственным. Предложенный им синтез самых разных по уровню и направленности

интеллектуальных фрагментов современного ему гуманитарного знания талантливо осуществлен по модели музыкальной партитуры. Это позволило действительно преодолеть долгие годы мучивший его разрыв между страстным желанием отыскать глубоко запрятанную логику Природы и всеобъемлющей тонкой поэтической чувственностью.

К. Леви-Стросс родился в 1908 году в семье, где проблемы художественного творчества и все перипетии, связанные с ними, определяли повседневный ход жизни. Его прадед был скрипачом, а отец и дядя – художниками. Поэтому неслучайно, еще, будучи подростком, он проводил свой досуг, посещая лавочки антикваров. В последствие он часто вспоминал, как в ранней юности, когда его родители купили дом в горах, он, очарованный красотами и экзотикой этого уголка природы, совершал длительные (по 10-15 часов в день) прогулки. В одиночестве он бродил по полям и лугам и, будучи по происхождению горожанином, заново открывал для себя всю прелесть общения с Природой. Именно эта двойная страсть к искусству и Природе задала его срединное положение меж двух миров, установив причудливую конфигурацию стремлений и представлений, особый эстетический контекст творчества.

Однако он нашел в себе силы отказаться от того очарования, которое приносила столь развитая чувствительность. Не отвергая ее, он стремится дополнить ее развитыми логическими системами. Именно это объясняет его прочную привязанность к исходной программе структурного исследования, которая на протяжении долгих десятилетий стала для него основным направлением творчества и никогда не зависела от переменчивой интеллектуальной моды.

Парадоксально, но его жгучий первоначальный интерес к природе приводит к открытию мира социального. Уже в лицее он со всем пылом юности включается в политические баталии. Благодаря дружбе с молодым бельгийским социалистом А. Вантером, приглашенным на лето в дом родителей, он знакомится с произведениями Маркса. Вспоминая себя в семнадцать лет, Леви-Стросс пишет: «Маркс меня совершенно очаровал. И я очень быстро взялся за чтение «Капитала» [3]. Но особенно сильное влияние политических страстей он испытал во время обучения в Эколь Нормаль, когда попал в группу социалистических исследований. Благодаря влиянию Ж. Лефранка он приобретает солидную теоретическую основу для осуществления своих интересов. Он много выступает и публикуется, а также приобретает важный жизненный опыт, когда избирается Генеральным секретарем Федерации студентов-социалистов. В это же время (конец 20-х годов) он становится и секретарем депутата-социалиста Ж. Моне.

Но уже в 1930 году Леви-Стросс вынужден оставить эти отнимающие так много жизненного времени занятия для того, чтобы подготовиться к конкурсу на место преподавателя философии. И сам экзамен, и вся ситуация, связанная с ним, вдохновляли его мало. Даже такие известные в то время учителя как Л. Бруншвиц, А. Риво, Ж. Лапорт, Л. Брейе оставили его равнодушным и глубоко разочарованным. «Я прошел через все это почти как зомби», - вспоминал он

позднее [4]. Несмотря на все это, результаты были блестящими, он прошел этот экзамен в 1931 году и был третьим в списке сдавших.

История распорядилась так, что и сами его социалистические воззрения оказались весьма недолговечными. «Странная война», мучительно тянувшаяся в течение 1940 года, а также завершившее ее «странное поражение» Франции во Второй мировой войне окончательно избавили его от пацифистских иллюзий. Раз и навсегда он делает вывод о том, что совершенно непозволительно «заключать политические реалии в рамки формальных идей». На протяжении всей последующей жизни он будет помнить уроки этого разочарования и постарается никогда не примыкать ни к какому политическому движению, несмотря на то, что сама специфика исследовательской позиции этнолога предполагает неотъемлемое политическое значение его профессиональной деятельности. Принятое в юности решение, оказалось важным еще и потому, что задало ориентацию на прошлое и Леви-Стросс, рискуя показаться своим соратникам анахронистом, подобно Дон Кихоту (который с 10 лет был его любимцем), выбитым из жизненной колеи, тем не менее посвящает почти все свои главные исследования социальному и культурному устройству прошлого.

Он сам вспоминал, что его карьера этнолога началась достаточно обыденно, когда одним осенним воскресеньем 1934 года раздался телефонный звонок и С. Бугле (в то время директор Эколь Нормаль) предложил ему представить свою кандидатуру на пост профессора социологии университета Сан-Пауло в Бразилии. В «Печальных тропиках» он иронично замечает: господин директор наивно полагал, что уже окрестности города кишат индейцами, и уговаривал его посвятить им выходные дни. Итак, он решает ехать в Бразилию, но не для того, чтобы искать там экзотические красоты: «Я ненавижу праздные путешествия и так называемых «первооткрывателей» [5]. Он бросается в это приключение для того, чтобы окончательно распрощаться с умозрительной философией и обратиться к антропологии, тогда еще молодой и пока еще не подающей надежды дисциплине (хотя ему уже и был известен подобный пример его коллеги Ж. Сустеля).

Через два года, собрав все, полученные во время своих полевых исследований трофеи, Леви-Стросс организует в Париже этнографическую выставку. Это позволило добиться значительных денежных кредитов, которые, в свою очередь, дали возможность организовать новую экспедицию, ставшую действительно знаменитой и классической - экспедицию к племени Намбиквара. Благодаря популяризаторам его идей Р. Лови и А. Метро, написанные им книги становятся замеченными в узком кругу специалистов. Это давало основания для умеренного оптимизма и вдохновляло на возвращение во Францию уже в другом качестве. Однако уже в 1939 году для того, чтобы избежать смертельной опасности, Леви-Стросс вынужден немедленно отправиться в новое путешествие, на этот раз уже в Нью-Йорк. В рамках помощи фонда Рокфеллера, созданного для спасения европейских ученых от фашизма, Леви-Стросс получает приглашение Новой школы социальных исследований.

Итак, он пересекает Атлантический океан на нереисовом пароходе «Капитан Поль Лемерль», вместе с ним это путешествие совершают те, кого

жандармерия выслала из Франции как «нежелательных элементов»: А. Бретон, В. Серж, А. Зегерс. По прибытии на американскую землю он вынужден был изменить написание своей фамилии на «Claude L. Strauss», для того, чтобы избежать анекдотичных ситуаций, когда его часто путали со знаменитым производителем джинсов. «Почти ни одного года не проходило, чтобы я не получал, главным образом из Африки, заказы на джинсы» [6].

Но пребывание в Нью-Йорке, конечно, не исчерпывалось только забавными недоразумениями, фактически этот город становится основным местом рождения и разработки структурной антропологии. Во время занятий в Новой школе социальных исследований Леви-Стросс встречается со своим коллегой, таким же беженцем, как и он – Романом Якобсоном, который читает на французском языке курс структурной фонологии. Эта встреча окажется для них двоих очень плодотворной как в интеллектуальном, так и в личностном плане. Дружеские отношения, рожденные в это время, сохранятся на всю оставшуюся жизнь. Якобсон присутствует на лекциях Леви-Стросса о родстве, а последний посещает курс Якобсона о звуке и смысле. «Эти лекции были восхитительны», - вспоминал гораздо позже Леви-Стросс [7]. Из этого взаимного интереса, скрепленного личной симпатией, и родится новое научное направление – структурная антропология. Впрочем, именно по совету Якобсона, Леви-Стросс начинает в 1943 году писать диссертацию, ставшую его основным трудом: «Элементарные структуры родства».

Война оканчивается, и в 1948 г. Леви-Стросс возвращается на родину. Ему приходится сменить несколько временных должностей: научного руководителя в Национальном центре научных исследований, затем заместителя директора Музея человека. И вот первое, действительно важное назначение: благодаря поддержке Ж. Дюмезиля его избирают в состав кафедры «Религии нецивилизованных народов» Пятой секции Практической высшей школы. Примечательно, что почти сразу он выступает инициатором смены названия кафедры вследствие регулярно возникавших дискуссий со слушателями из Африки. Ведь «невозможно утверждать, что люди, которые пришли поучаствовать в диспуте с вами в стенах Сорбонны, являются «нецивилизованными» [8]. Новое название, конечно, более соответствовало и характеру ситуации, и требованиям времени: «Религия бесписьменных народов».

Кстати, до анекдотичности похожая ситуация повторилась в связи с открытием в апреле 2007 года по инициативе тогдашнего президента Франции Ж. Ширака нового музея, ставшего преемником Музея человека. Потрясающе богатые фонды, значительную часть которых составляют и дары Леви-Стросса, привезенные им из экспедиций, уже не могли размещаться в старых помещениях на Трокадеро. Нужно было новое здание и, как оказалось, нужно было и новое название музея, что стало непростой проблемой. Дело в том, что любой его вариант, содержащий хоть какой то намек на то, что это музей культур «начала человеческой истории», «ранних стадий развития» и т.д. тут же вызывал шквалы критики и обвинений в расизме. В конце концов, пришлось дать название по месту его нахождения: «Музей Набережной Бранли» [9].

Утверждение структурного метода в антропологии произошло не случайно. Оно стало следствием особой исследовательской ситуации в самой этой науке и становления нового научного концепта в общественном сознании в целом. Прежде всего, здесь значимо наследие О. Конта, причем не столько его оптимизм, когда он видит историю человечества как поэтапный прогресс, движение к позитивному веку, сколько его идеи о том, что гуманитарное знание имеет значение только тогда, когда заимствует познавательную модель у науки, в идеале, если оно само преобразовано в науку, в теорию. Эта идея заставляет, в частности, и самого Леви-Стросса выбрать свой идейный путь: «в этом плане мы имеем дело с бегством от традиционной философии», - вспоминала современница Леви-Стросса Ф. Лебре [10]. Другое направление влияния Конта связано с глобальностью его амбиций и основывается на его холизме [11]. В связи с этим, отмечает Р. Будон, мы находим у Конта то же самое осуждение психологизации этнологии, как позже у Леви-Стросса [12]. На фоне зарождающейся социологии наследником этого широко распространенного в начале XX века стремления ограничить объект исследования, исходя из задачи создать строгую науку о человеке, явился, конечно, Дюркгейм. Леви-Стросс, будучи покорен страстью к этнологии, уехал в Бразилию и формально прекратил свой спор с Дюркгеймом, но та социологическая культура, которая была достигнута им в 30-е годы, могла быть получена только на основе наследия Дюркгейма. Для последнего, также как и для Конта, общество представляет собой целое, несводимое к совокупности его частей. Именно на этой основе и будет построена новая объяснительная модель социологии. В связи с этим успех приходит к понятиям системы, а затем и структуры, он связан, прежде всего, с их способностью объяснять взаимозависимость элементов объекта исследования. Более того, этот комплекс перемен затрагивает не только социологию, но, и, прежде всего, лингвистику, экономику и биологию.

Итак, исследовательская позиция Леви-Стросса тесно связана с идейным наследием Дюркгейма. Но путь его противоположен пути последнего. В то время, когда Дюркгейм пишет «Правила метода», он опирается, прежде всего, на материалы историков, на письменные источники и пренебрегает материалами, собранными этнографией в ходе полевых исследований. Это эра, так сказать, «исторического позитивизма». И только позже, к 1912 году Дюркгейм ставит оба метода, исторический и этнографический на одну и ту же ступень, поскольку вынужден торопиться в связи с организацией работы и подбором материала в номер журнала «Социологический год». Для Леви-Стросса, который начал свою научную карьеру с тщательных полевых исследований в Бразилии, наблюдение первично и предваряет всякие логические построения и саму концептуальность. Этнология для него начинается, конечно, с этнографии: «Антропология есть, прежде всего, эмпирическая наука... эмпирическое изучение обуславливает выход к структуре» [13]. Наблюдение при этом не является самоцелью, в дальнейшем Леви-Стросс будет активно бороться против засилья эмпиризма в этнографии, но как первая стадия исследования, оно, конечно, необходимо.

Для Леви-Стросса первый крупный объект исследования – это система запрета кровосмешения в традиционной культуре. К нему он обращается, впрочем, как к предлогу дистанцироваться от того, что мог бы сказать по этому поводу Дюркгейм. В отличие от него, Леви-Стросс не удовлетворяется ограничением интересующего его феномена во времени и географическом пространстве. Он не останавливается на таком объяснении, которое не отсылает запрет кровосмешения к наследию прошлого (устарелым верованиям, боязни менструальной крови и т.д.), а наоборот пытается найти вневременные всеобщие основания, которые могли бы объяснить постоянный характер этого запрета. То, что Леви-Стросс наследует теоретические взгляды Конта, Дюркгейма и Мосса, еще не означает, что он ограничивается ими. Особое значение при этом сыграли работы Маркса. Как уже отмечалось, Леви-Стросс имел раннее и глубокое знакомство с его трудами и вспоминал что, он являлся одним из трех любимых учителей, в компании с Фрейдом и геологией. У Маркса его привлекла идея, что видимость не является действительно значимой реальностью, и исследователю необходимо создать специальные познавательные модели, чтобы подойти к основаниям реальности и преодолеть чары мира видимости. «Маркс научил нас, что социальная наука не строится более по плану событий, как и физика - по плану чувственных данных» [14]. Верный марксову подходу, он не позволяет себе исключить определяющую роль инфраструктур, даже если целью его исследования является построение теории суперструктур: «Мы нисколько не стремимся утверждать, что идеологические трансформации порождают трансформации социальные. Единственно верным является обратная взаимосвязь» [15]. Конечно, с течением времени влияние марксизма, скрытый идейный диалог с Энгельсом – все это уйдет в прошлое, но в начальный период своей эволюции, во время своего первого визита в Бразилию Леви-Стросс представлял себя, прежде всего, марксистом. В беседе с Эрибоном он вспоминал, что бразильцы были разочарованы прибытием социолога, не являвшегося последователем Дюркгейма. Близкий к нему в то время Ф. Дескола вспоминал: «Я готов поспорить, что Леви-Стросс тогда был марксистом. Он вообще был близок к тому, чтобы стать официальным философом Французской секции рабочего интернационала (SFIO). В Бразилии с ним явно что-то случилось, что сделало его совсем не тем, кем он был по прибытии туда. Это, конечно, должен был быть контакт со средой в ходе полевых исследований, но, вероятно, это не единственная причина» [16].

Погрузившись в область антропологических исследований, Леви-Стросс видит перед собой два возможных пути дальнейшего научного движения: эволюционизм или диффузионизм и функционализм. При этом он искренне восхищается высоким уровнем исследований Малиновского, его изучением сексуальной жизни в Меланезии, а также мифов об аргонавтах. Но, вместе с тем, он осуждает проявляющийся при этом явный культ эмпиризма. «Мысль о том, что эмпирическое наблюдение какого-либо общества позволяет выявить универсальный характер, проявляется у Малиновского постоянно как такой

элемент, который уменьшает и сводит на нет важность тех наблюдений, жизненность и богатство которых известны и из других источников» [17].

По мнению Леви-Стросса, функционализм Малиновского ведет исследователя в тупик прерывистости и единичности. Не проводя различия между социальными структурами и данными как очевидностями социальных отношений, его анализ остается на поверхности вещей и не затрагивает самих основ социального. Таким образом, тоже исследуя запрет кровосмешения, Малиновский фактически не выходит за рамки биологического понимания несоответствия родственных чувств и любовных отношений. Бóльшую симпатию Леви-Стросса вызывает позиция А. Радклифа-Брауна, поскольку она близка к требованиям структурного анализа. Так последний уже использовал концепт социальной структуры в ходе изучения систем родства австралийцев. Он стремился систематически классифицировать, выявить специфику каждой системы, а затем предложить обобщение, значимое для всех человеческих сообществ. «Анализ стремится свести разнообразие (от двух до трех сотен систем родства) к некоему порядку, такому, каким он может быть» [18]. Но Леви-Стросс считает, что и методология Радклифа-Брауна также в целом остается описательной и эмпирической и в конце концов не более результативной, чем функционализм Малиновского.

Таким образом, отказавшись от наследия англо-саксонского эмпиризма, Леви-Стросс найдет своих учителей в сфере антропологии. Это наследники немецкой исторической школы, которые к этому времени придерживались идеи культурного релятивизма (Р. Лоуи, А. Кребер и Ф. Боас). Леви-Стросс считал себя в долгу перед ними, поскольку именно в Лоуи он видел того, кто уже в 1915 году открыл многообещающий путь изучения систем родства. «Сама субстанция социальной жизни может быть подвергнута строгому анализу как функция классификации родителей и свойственников» [19]. Что касается Боаса, Леви-Стросс попытался связаться с ним сразу по прибытии в Нью-Йорк. Фактически он возглавлял тогда американскую антропологию и привлек своей колоссальной любознательностью и жадной открытий. Леви-Стросс стремился, как можно чаще, встречаться с ним и даже присутствовал в момент его смерти, которая произошла во время торжественного завтрака, организованного в честь визита директора парижского Музея человека П. Риве на факультет антропологии Колумбийского университета. «Боас выглядел очень веселым, но во время оживленного разговора он вдруг резко оттолкнул стол и упал на спину. Я сидел рядом с ним и тут же бросился, чтобы его поднять... Но Боас был мертв» [20].

Основное влияние творческого наследия Боаса на Леви-Стросса состоит в том, что оно заставило сделать акцент на природу бессознательного характера культурных явлений и поставило в центр исследования бессознательные механизмы языка. Тем самым еще в 1911 году был дан импульс к лингвистическому интересу в антропологии, который уже в годы второй мировой войны благоприятствовал встрече между Леви-Строссом и Р.Якобсоном.

Именно в этом шаге Леви-Стросс является несомненным новатором. Он вводит лингвистическую модель в контекст антропологического исследования, тогда как традиционно во Франции антропология была связана с естественными науками, а физическая антропология доминировала в течение всего XIX века. Само мышление по естественнонаучной модели для Леви-Стросса было понятным и доступным, тем более, что по возвращению во Францию в 1948 году он становится заместителем директора Музея человека. Однако он не примет этот вариант модели научности и будет искать ее в гуманитарных науках, прежде всего, в лингвистике.

Чем был обусловлен этот столь важный поворот? Ж. Жамен, который работал тогда в Музее человека, поясняет «У меня есть ответ на этот вопрос... Биологическая и физическая антропология к тому времени были настолько скомпрометированы разнообразными формами расизма, которые паразитировали на них, что было трудно что-либо заимствовать у этих дисциплин и более того обосновывать это, в общем-то безнадежное дело, поиском некоей общей науки, общей антропологии, включающей в себя в равной степени как физическое, так и культурное. Произошла исторически обусловленная ликвидация физической антропологии, что прекратило многие бессодержательные споры. На смену пришел Леви-Стросс, и тем самым место для дальнейших дебатов было освобождено самой историей». [21]

Разрыв Леви-Стросса с прошлым французской антропологии тем более очевиден, что последняя традиционно строилась на единстве натуралистического и биологического. В качестве особой научной дисциплины она конституировала, прежде всего, поиски естественных (природных) оснований человека и, следовательно, исходила из главным образом биологического детерминизма. Обретя новый взгляд, Леви-Стросс смог теперь вновь воспользоваться термином «антропология», но уже без идеологического контекста. Исходя при этом из лингвистики как ведущей дисциплины, он фактически поднял ее французскую ветвь на уровень семантического поля англо-саксонской традиции.

Возвратившись в 1948 г. во Францию, Леви-Стросс по существовавшей тогда традиции для получения ученой степени защитил две диссертации: основную и дополнительную («Семейная и общественная жизнь Намбиквара» и «Элементарные структуры родства»). [22] При этом ему пришлось выступать перед квалифицированным составом серьезного жюри: Э. Бенвенист, Ж. Дави, М. Гриоль, А. Байе и Ж. Эскар. Опубликование текстов диссертации в виде отдельных книг стало главным событием интеллектуальной жизни послевоенной Франции, поскольку оказалось краеугольным камнем в обосновании структуралистских программ исследования. А сейчас, 60 лет спустя, это событие заслуженно рассматривается антропологами как знаковое событие, начавшее действительно новую эру. М. Оже, бывший коллега Леви-Стросса, считает: « Самыми важными и самыми основательными в творчестве Леви-Стросса являются, конечно, «Элементарные структуры родства», поскольку именно в них впервые была воплощена научная воля, позволившая создать предпосылки для анализа колоссального изобилия фактов, задавшая

параметры познавательной модели, охватывающей весь спектр разнообразия и дающей возможность перейти от проблематики связи к проблематике союза». [23]

В связи с этими публикациями подлинную революцию пережила не только французская антропологическая школа, это событие значительно повлияло и на философию. О. Рево д` Аллон, в то время молодой соискатель-философ, вспоминает: « Это был важный, решающий момент. После сдачи экзамена на допуск к работе в средней и высшей школе я только что был назначен в лицей города Лиля и в своей работе опирался, прежде всего, на фундаментальное освещение проблем человекознания в «Элементарных структурах родства», считая их современным продолжением и подтверждением действенности теории Маркса». [24]

В целом влияние идей Леви-Стросса вышло далеко за пределы небольшого профессионального круга антропологов. Причем это справедливо отметить не только для «пространства общения» и взаимного влияния отраслей знания, сосуществовавших в один и тот же период, но и для временной связи поколений. Так и десять лет спустя, поступавший на философский факультет Эколь Нормаль Э. Террей по его воспоминаниям был уже с самого начала захвачен идеями антропологии и горел желанием поучаствовать в полевых экспедициях. Однако он был вынужден покинуть страну, поскольку не хотел участвовать в колониальной войне в Алжире. На прощание его друг А. Бадью дал почитать «Элементарные структуры родства», взяв клятву, что непременно получит их обратно, поскольку книгу было чрезвычайно трудно купить. «Ален дал мне эту книгу взаймы и я перепечатал из нее на машинке около сотни страниц, несмотря на то, что это составляло значительный труд. Именно так я в первый раз держал в руках издание Леви-Стросса. Для меня в то время (и я до сих пор придерживаюсь этого мнения) знакомство с ним дало такое продвижение вперед, которое можно было бы сравнить по своему влиянию с «Капиталом» Маркса или «Наукой о сне» Фрейда». [25] Главной проблемой в исследовании Леви-Стросса было отыскать форму, в которой находит выражение всеобщее в социуме и культуре. В качестве таковой он видит запрет кровосмешения как неизменное правило поведения, сохраняющее свою содержательную определенность при всем разнообразии человеческих сообществ. Тем самым он кладет конец имевшей долгое время в этнографии традиции объяснять запреты не их общественной функциональностью, а «моральной природой». Так, например, считал Л.-А. Морган, для которого запрет кровосмешения – это защита вида против пагубных последствий единокровных браков. Для Э. Вестермарка он объяснялся половым истощением, вызванным повседневым осуществлением сексуальных желаний (кстати, этому тезису противопоставлена фрейдовская теория Эдипова комплекса).

Революционность позиции Леви-Стросса состояла в дебиологизации этого феномена и освобождении его объяснений от упрощенной схемы однокровности и моральных, этноцентрических по своему происхождению оценок. При этом структуралистская гипотеза была введена, прежде всего, для перемены объекта

исследования, с целью восстановить его коммуникативный и конвенциональный характер, обретаемый как особое измерение социальных отношений в матримонильном обществе. При этом Леви–Стросс полагает механизм установления и обеспечения отношений родства как основную базу воспроизводства общества. Для того чтобы не потеряться в предельно разветвленном лабиринте многообразия брачных практик, Леви-Стросс с помощью математических методов совершает их «усекновение», определив ограниченное число возможностей и назвав их элементарными структурами родства. «Мы подразумеваем под элементарными структурами родства системы, которые предписывают брак с неким типом родства, или, если хотите, системы, которые, определяя всех членов группы как родственников, разделяют их на две категории: супруги возможные или супруги запрещенные». [26] Концепция элементарных структур позволяет, исходя из номенклатуры признаваемых в данном сообществе градаций родственных отношений, определить круг потенциальных родственников или свойственников. Это происходит таким образом, что здесь оказываются запрещенными браки между родными, а также параллельными двоюродными братьями и сестрами, но предписываются установления отношений между скрещенными кузенами и даже более строго – только по материнской линии. Сообщество в результате этого как бы делится на две группы: «супругов возможных» и «супругов невозможных».

Следуя позиции Леви-Стросса, такую систему родства можно найти у австралийцев (системы «*kariera*» и «*aranda*»). В соответствии с первой племя делится на две локальные группы, каждая из которых в свою очередь подразделяется на две секции и принадлежность к той или другой передается по отцовской линии, но сын принадлежит к другой секции. Следовательно, сначала предполагается чередование поколений, которое ведет к возникновению системы свойственников, возникающей с появлением дважды скрещенной кузины (когда она одновременно приходится дочерью сестры отца и дочерью брата матери). Вторая система подобна, но предполагает матримонильную классификацию. Здесь речь идет о симметричных союзах, которые Леви-Стросс перегруппировывает, представив в форме ограниченных обменов. Они противостоят системам родства, которые также элементарны, но строятся на взаимоотношениях неопределенного количества групп с односторонними союзами; в этом случае происходят обобщенные обмены. «Поскольку система двустороннего союза может функционировать, по крайней мере, с двумя потомствами, их нужно не менее трех, чтобы одновременно позволить и возникновение одностороннего союза: если *A* берет супругов в *B*, необходимо, чтобы он предоставил женщин (жен) третьему потомству *C*, которое, в свою очередь, должно предоставить своих женщин в качестве вероятных жен в *B*, тем самым как бы завершая цикл». [27]

В противоположность элементарным структурам родства, которые стремятся поддерживать союз в рамках родственности, другие системы, наполовину менее сложные, например как *Кроу-Омаха* (*Crow-Omaha*), основаны на стремлении сделать несовместимыми связи союза и связи родства. В этом случае невозможно заключить брачный союз в том клане, который по памяти

человека или сообщества (как правило, в связи с неписьменным характером, она охватывает в глубину не более чем на четыре поколения) дал супруга своему клану.

Следовательно, Леви-Стросс выходит за рамки анализа, основывающегося только на терминах единокровия (родства), чтобы показать, что союз полов является объектом социального соглашения, то есть имеет принципиально социальный и культурный характер. В связи с этим кардинальным изменением точки зрения запрет больше не рассматривается только как факт негативный, факт отрицания чего-либо, а как позитивный по своему характеру *шаг творчества социального и культурного мира*. Что касается пути возникновения механизма регулирования системы родства, он понимается как производное от системы произвольной репрезентации, подобно тому, как понимается произвольность знака у Ф. Соссюра.

Тем самым Леви-Стросс осуществляет важнейший для себя шаг, порывая с натурализмом, выделившим понятие «запрет кровосмешения» именно как пробный камень при реконструкции перехода от природы к культуре. Социальное рождается из организации процессов обмена, возникающих для обслуживания этого запрета. Таким образом, последний приобретает основополагающую важность: «Запрет ситуации кровосмешения выражает переход от естественного факта единокровия к культурному факту союза». [28] Более того, он выделяется своим срединным, переходным характером, поскольку не принадлежит только к уровню естественного (природного) порядка, характеристиками которого (универсальностью и спонтанностью) обладает. Его также нельзя отнести и лишь к уровню культуры, характеризующемуся специфическими законами, главенством нормы и принудительным характером ее осуществления.

Следовательно, запрет инцеста принадлежит одновременно двум мирам, находясь на стыке природы и культуры. В нем нашли воплощение правила двух порядков. Во-первых, это правила, возникшие произвольно и дающие человеку возможность существовать в естественном (природном) порядке. Во-вторых, это особые правила, созданные им самим как нормативный код культуры. Тем самым это явление объединяет специфичность (особенность культуры) и всеобщность (характер природной связи). «Запрет инцеста стоит одновременно на пороге культуры, в самой культуре и в некотором смысле является сущностью культуры». [29] «Элементарные структуры», которые в одно и то же время являются следствиями и условиями осуществления этого запрета, не должны рассматриваться только как факты природы, воспринимающиеся и устанавливающиеся в ходе наблюдения. «Они поднимаются из решетки дешифровки (*grille de déchiffrement*) или, если выражаться кантовскими терминами, из схемы, для которой вовсе не необходимо, чтобы она была представлена всеми своими терминами или гранями для того, чтобы работать эффективно». [30] Исследования Леви-Стросса задали образец освобождения антропологии от решающего влияния естественных наук, поставив ее исключительно на почву культурологии.

Исследовательская модель, которая позволила Леви-Строссу осуществить эти изменения, зародилась и получила первоначальное развитие в рамках структурной лингвистики (фонологии). Подобно революции Коперника, заимствование методов этой сферы знания коренным образом переориентировало ход мысли в социальных науках. «Оказавшись лицом к лицу с социальными науками, фонология не может не сыграть для них такую же новаторскую роль, как ядерная физика для всего комплекса точных наук». [31] Неудивительно, что Леви-Стросс обратил внимание на достоинства фонологии, ведь в то время ее метод применялся исключительно продуктивно, показывая свою эффективность при анализе сложных и неоднопорядковых объектов. Поэтому вполне объяснимо, что именно ее исследовательскую программу он возьмет, воспроизведя почти слово в слово основные познавательные парадигмы. Фонология стала результатом преодоления уровня осознанности лингвистических феноменов. При этом она не довольствуется рассмотрением специфики терминов, а стремится установить их внутренние связи, вводит понятие системы и ставит цель открыть общие законы. Все эти устремления соответствуют внутреннему пафосу структуралистского подхода.

Теперь очевидно, что такое заимствование стало возможным в результате встречи Леви-Стросса с Р. Якобсоном во время пребывания в Нью-Йорке. «Я был в то время структуралистом по наитию. Я занимался структурализмом, сам не осознавая этого. Якобсон открыл мне существование корпуса доктрин, уже установленных в такой дисциплине как лингвистика, которой я никогда не занимался ранее. Для меня это было настоящим озарением». [32] Леви-Стросс, однако, не ограничивается простым добавлением нового массива знания как просто смежного с той областью, которая интересует его самого. Он вводит его в активный оборот, заключает в рамки собственного метода и этим кардинально расширяет перспективу исследования. «Как явления, термины родства являются элементами знакового порядка, как таковые они получают эту значимость только при условии интеграции в систему». [33] Не случайно, поэтому Леви-Стросс, еще в то время, когда присутствовал на лекциях Якобсона, хотел написать к ним предисловие, но смог осуществить это намерение только гораздо позже. [34] Из такого приобретения Леви-Стросс извлечет два кардинально значимых для антропологии урока. Это, во-первых, необходимость поиска инварианта среди всего множества существующих модификаций, во-вторых, решительный отказ от сознания субъекта в пользу бессознательного в структуре. По Леви-Строссу обе эти ориентации важны в равной степени, как для фонетики, так и для антропологии, поскольку не позволяют впасть в системный формализм. В подтверждение этого он ссылается на труды Н. Трубецкого: «Современная фонология не ограничивается заявлением о том, что фонемы являются всегда членами системы, она показывает конкретные фонологические системы и делает очевидной их структуру». [35]

Итак, становящаяся структурная антропология должна, идя по пути, намеченному лингвистикой, обратить внимание на то, как последняя отказалась от попытки охватить все многообразие лингвистической эволюции для того, чтобы уловить тонкости основных различий между языками. Это разложение

сложного материала языка на ограниченное количество фонем послужит антропологии в качестве исследовательской модели при анализе примитивных обществ. Она должна *разрушить*, «сжать» исследуемую реальность, стремясь получить ограниченное число исходных элементов, предполагая при этом, что они могут изменяться. Это и было осуществлено при обращении к матримониальным обществам, которые понимались как результат *самоорганизации вокруг отношения между правилами родства и местопребыванием*, отношения столь же произвольного, как и знак Соссюра. То есть, следуя примеру Якобсона, Леви-Стросс использует прием Соссюра, который можно было бы назвать «*купюрой*» (сокращением, вырезкой, отсечкой).

Заимствования у Соссюра не ограничиваются только этим. Леви-Стросс также берет его знаменитое основополагающее различие («дистенго» - *distinguo*) означаемого и означающего и применяет при осмыслении антропологического материала, предписывая роль первого структуре, а второго – смыслу. У Соссюра в сходной ситуации речь идет об оппозиции звука и смысла. Но, если в ситуации такого рода могут быть предусмотрены отношения как синхронии, так и диахронии, Леви-Стросс обращает внимание лишь на аспект синхронии, свойственный лингвистике Соссюра. В будущем этот шаг вызовет упреки критиков в неисторичности. Но самим этим выбором Леви-Стросс кладет начало критике неэффективности той формы исторического подхода и вообще того способа осознания мира человека, которые превалировали тогда в социальных науках. [36] Вдохновленный достижениями метода структурной лингвистики, Леви-Стросс со всей откровенностью заявляет: «Хотелось бы узнать у лингвистов секрет их успеха. Не могли бы мы применить для сложных предметных полей наших исследований... те строгие методы, с помощью которых лингвистика ежедневно проверяет эффективность своих объектов?» [37] Не означает ли этот шаг лишь простое отступление от самостоятельности антропологии и провозглашение лингвистики в качестве непогрешимого кумира? Напротив, Леви-Стросс предполагает, что это позволит и саму лингвистику вписать в глобальную перспективу социокультурного познания, где основная направленность определялась бы антропологией. Таким образом, объяснительная модель социального сложилась бы на основе соотнесенности трех уровней коммуникаций (обменов) в сообществах: женщинами (благодаря нормам родства); достоинствами и благами (благодаря экономическим законам); посланиями или сообщениями (благодаря лингвистическим правилам).

Эти три уровня входят в общий антропологический проект Леви-Стросса, также как и два основных метода, все время присутствующих у него: «Система родства есть особый язык». [38]; «Скажем же, что существует формальное соответствие между структурой языка и структурой родства». [39] Таким образом, лингвистика возвышается Леви-Строссом до ранга ведущей науки, задающей саму модель исследования. Именно она позволяет антропологии основываться на культурном и социальном, то есть оторваться от физической антропологии прошлого. Благодаря Якобсону, эту стратегическую роль лингвистики Леви-Стросс осознает рано, почти сразу.

С появлением «Элементарных структур родства» стало ясным, что возникновение структуралистских парадигм происходит как бы на двух полюсах: прежде всего, как уже отмечалось, в лингвистике, но также и в сфере, формализованной уже по самому своему определению – в математике. В соответствии с самой логикой исследования при написании книги Леви-Стросс был вынужден обратиться за помощью к представителю математической группы Н. Бурбаки. [40] Так А. Вейль написал приложение к книге, дав в нем математическое обоснование и транскрипцию открытий автора. Фактически в этом приложении Леви-Стросс нашел подтверждение обоснованности своей главной исследовательской переориентации, аналогичной переходу, осуществленному Якобсоном в лингвистике от внимания к термину «отношения» к предпочтению исследования самих отношений между терминами независимо от их содержания.

Плодотворность проекта, предложенного Леви-Строссом, не могла не породить мечту о том, что это лишь первый этап большого пути, предполагающий достижение научности в степени, присущей точным наукам. «Создается впечатление, отмечал Р. Будон, что гуманитарные науки движутся к тому, чтобы полностью иметь характер точных наук, скажем как физика Ньютона. Кое-что подобное уже есть у Леви-Стросса. Достижение научности становится вполне вероятным потому, что, прежде всего, лингвистика проявляет себя как нечто научное именно в естественнонаучном смысле. Это - главный ключ к успеху...» [41] Несомненно, все это свидетельствовало, что перед гуманитарными науками открылись большие перспективы, но и то, что они породили также многочисленные миражи и иллюзии, которые будут витать над научным сообществом гуманитариев в течение следующих двадцати лет.

Интересно, что быстрым обретением популярности Леви-Стросс обязан, прежде всего, Симоне де Бовуар, которая тотчас же взялась за перо, для того чтобы дать на выход книги «Элементарные структуры родства» предельно хвалебный отклик в журнале «Новые времена». Этого было вполне достаточно для того, чтобы широкая интеллектуальная публика, даже не раскрыв и не прочитав объемистый труд, восприняла его как новую сенсацию и проявила самый живой интерес к автору. Как говорится в таких случаях, наутро Леви-Стросс проснулся знаменитым, а разбудили его звонки из ведущих газет и журналов с просьбой дать интервью или участвовать в каких-либо мероприятиях. Это, конечно, была настоящая популярность, несоизмеримая с авторитетом в узких кругах антропологов.

С Симоной де Бовуар Леви-Стросс был лично знаком еще до Второй мировой войны, так как она была его ровесницей и они вместе проходили стажировку к агрегации. [42] В описываемое время она как раз заканчивала одну из самых своих известных книг «Второй пол». Узнав от М. Лейри, что Леви-Стросс собирается опубликовать материалы своей диссертации о родстве, построенные на совершенно оригинальных взглядах, она просит о возможности ознакомиться с ними до выхода книги в свет. Незаурядные мысли, которые она нашла там, оказались небесполезными для окончания работы над собственным произведением и в благодарность она пишет большой отчет для «Новых

времен», который начинается знаменательной фразой: «Уже давно французская социология погружена в сон». [43]

Пафос ее статьи состоит в безоговорочной поддержке основных идей Леви-Стросса. Она настоятельно приглашает публику ознакомиться с книгой более подробно и внимательно, но вместе с тем, пытаясь определить ее общее место в современной гуманистике, настойчиво представляет ее как продолжение традиций Сартра. Так, констатируя, что Леви-Стросс не дает ответа на вопрос о том, как возникают структуры, которые он исследует, она предлагает свой вариант, выдержанный в чисто сартровском духе. «Леви-Стросс запрещает себе выходить на философское поле размышлений, он намеренно ограничивается лишь строгой естественнонаучной объективностью; но реально его мысль вписывается в великий гуманистический поток, который рассматривает человеческое существование как нечто, приносящее с собой своё собственное обоснование (raison).» [44] Конечно, приписывание работе Леви-Стросса экзистенциалистского звучания является недоразумением и свидетельствует о непонимании или о преднамеренном искажении его позиции с целью поддержать угасающее влияние Сартра. Тем более что вскоре «Новые времена» превратятся в одного из главных критиков антропологии. Так уже в 1951 г. К. Лефор помещает статью, основанную на критике Леви-Стросса за то, что он извлекает смысл опыта из внеопытной сферы, предпочитая математическую модель, представленную более реально, чем сама реальность. «Что можно поставить в упрек Леви-Строссу, так это то, что он улавливает в обществе правила, но не само поведение». [45]

Справедливости ради необходимо отметить, что в 1956 г., подводя итоги обсуждения этой работы Леви-Стросса, Ж. Пуйон фактически даст ответ на упреки Лефора, отметив, что нет оснований для упреков автора в онтологизации модели, поскольку им «математическое выражение реального никогда не смешивается с самим реальным». [46] Подобная тематика спора типична для того времени и наглядно свидетельствует об известной оторванности гуманитариев от проблем, волнующих современников. В целом с середины пятидесятых годов классики, как экзистенциализма, так и структурализма в своих взаимных претензиях зациклились на обсуждении вопросов метода и оказались уязвимыми перед вскоре последовавшей критикой их не только соотечественниками, но и англо-саксонской школой культурологии, приведшей к ослаблению структуралистской парадигмы. Не последнюю роль в этом сыграли и известные события 1968 года.

Если в «Элементарных структурах родства» Леви-Стросс обращается к исследованию конкретного явления предметного поля антропологии, то статус его «Введения в творчество Марселя Мосса» (1950) совсем иной. Посвятив эту работу только вопросам методологии, он не сводит ее к простому изложению взглядов одного из мэтров дюркгеймовской школы французской антропологии, а, пользуясь случаем, старается со всей строгостью определить свою собственную, структуралистскую методологическую программу. «Введение...», начинаясь как обычное предисловие, на самом деле представляет собой уникальное и важное событие, поскольку является первым воплощением единой

программы всех наук о человеке, предложенной в XX веке. Необходимо отметить, что начало движению к их выделению в качестве особого единства положено еще на заре XIX века идеологами во главе с Д. де Траси [47] и проблема долгое время оставалась на обочине развития европейской мысли.

Написать введение Леви-Стросса попросил Ж. Гурвич, который предназначал эту книгу для серии, посвященной современной гуманитарной мысли, в свое время он основал и редактировал ее во Французском университетском издательстве. [48] Гурвич сразу же уловил мировоззренческую дистанцию между собой и Леви-Строссом, которая позже перейдет в откровенную вражду, и в связи с этим добавил от себя постскрипtum, чтобы выразить особое мнение по поводу интерпретации Леви-Строссом оригинальных идей Мосса. Вспоминая об этом, Леви-Стросс отмечал: «Именно с этого дела́ и начали портиться» [49], при этом он, конечно, имел в виду ухудшение отношений между ними.

Напротив, А.-Ж. Греймас, находившийся тогда далеко от Франции, в Александрии вместе с тем не ошибся в определении важности этого текста. Открыв «Введение...» он понял, что оно много значит для осуществления давно занимавшего его проекта построения глобальной методологии наук о человеке: «Если отдельные книги и имеют какое-то значение, то именно эта сыграет самую большую роль. Ведь структурализм – это, в конце концов, обнадеживающая встреча двух гуманитарных наук: лингвистики и антропологии». [50] Опираясь на авторитет М. Мосса, Леви-Стросс пытается обосновать антропологию в качестве теории и раскрыть ее содержательную базу с помощью моделирования, единственного, по его мнению, способа научным образом выразить смысл исследуемых фактов реальности. Отсюда и мнение о том, что лингвистика есть лучший вариант достижения адекватности концепта исследуемому объекту.

Леви-Стросс в антропологии исходит из постулата, построенного по подобию с таким же в современной лингвистике, фактически это воплощение естественнонаучных принципов объективности. Следовательно, лингвистика становится средством, способным вывести антропологию в сферу культуры, к ее символике, удалив, таким образом, прежние натуралистические или энергетические модели. Сформулировав эту методологическую программу, Леви-Стросс окончательно отделяется от традиционного этнологического сообщества французских ученых. Он решительно отстраняет антропологию от «поставки экспонатов музеем», описания различных технологий и переориентирует ее на теоретичность и концептуальность. По собственному признанию он видел в Моссе, прежде всего, духовного отца структурализма. Конечно этот выбор, как и всякий другой, имел достаточно выраженную субъективную подоплеку, поскольку являлся в значительной мере произвольным и поэтому не всегда был свободен от недостатков. Это и подчеркивал Ж. Жамен, когда, дискутируя с Леви-Строссом, извлек из фактического забвения имя Р. Герца, которого в бóльшей степени считал основателем структуралистской парадигмы в антропологии, чем Мосса.

Роберт Герц погиб в 1915 г. во время Первой мировой войны, однако он успел оставить несколько очень важных теоретических работ. Содержащиеся в них идеи позволили некоторым авторам, таким как известный британский этнолог Нидхэм, утверждать (в книге «Правое и левое»), что он и есть основатель структурализма. Действительно, в одном из этих текстов мы находим имеющую структурное значение бинарность: «превосходство правой руки является открытием религиозной полярности между святым правым и святым левым...» [51] Герц показывает, что двойственность, первоначально имеющая биологическую основу, в конечном итоге основывается символически и состоит в противопоставлении чистой и радостной правой стороны нечистой и мрачной левой. Современные Герцу социологические школы не оценили значение его открытия бинарности, но в наши дни Ж. Батай, М. Лейрис и Р. Кайуа восприняли его оригинальную концепцию двойственности священного и стали развивать ее методологическое значение. [52] Леви-Стросс осознанно опирается именно на наследие Мосса, «модернизм» которого он специально подчеркивает. Он видит его заслугу в том, что им пробита брешь в стене непонимания, воздвигнутой между различными гуманитарными науками, и намечены основания для их будущего сближения. Так были изменены отношения между этнологией и психоанализом, имеющими, прежде всего, общий объект исследования (поле символического), который включает самые разные системы: экономические, родственные или религиозные. При этом Леви-Стросс, прежде всего, опирается на идею Мосса, который еще в 1924 г. определил специфику социальной жизни как «мира символических отношений». [53] Продолжая размышления в том же ключе, Леви-Стросс, цитирует свои собственные работы, построенные на сравнении различных человеческих состояний: от шамана в трансе до больного неврозом. Очевидно, Леви-Стросс продолжает осуществлять намерение Мосса, выраженное им в «Эссе о даре», изучить социальный факт в его всеобщности. Однако сам параметр всеобщности появляется лишь с момента, когда социальный атомизм преодолен и когда появляется способность интегрировать все факты, изучаемые антропологией, более того рассматривать ее саму как глобальную объяснительную систему, одновременно давая отчет о физических, психологических, психических и социологических аспектах всех поведений. В центр этой всеобщности помещено человеческое тело, на первый взгляд, являющееся знаком природы, но фактически полностью принадлежащее культуре. Тем самым Мосс обосновывает начала «археологии телесных образов действия», программы, которая будет воспринята и реализована М. Фуко.

В целом культурной проблематику делает вопрос о бессознательном, который выражает главный ракурс структуралистской парадигмы. В связи с этим Леви-Стросс отмечает: «Неудивительно, что Мосс постоянно обращается к бессознательному как источнику общего и специфического в социальных науках». [54] Путь к механизмам бессознательного проходит через исследование посреднической функции языка и для его осуществления Леви-Стросс прибегает к достижениям современной лингвистики, а именно Соссюра, для которого факты языка находятся на уровне бессознательного мышления.

«Это действие того же типа, который в психоанализе позволяет нам самим победить самое странное в нас - наше «я», а в этнологическом опросе приступить к самому странному в других – другому «мы». [55] Итак, Леви-Стросс констатирует единство двух ведущих областей знания, составляющих основу классического этапа структурализма: антропологии и психоанализа. Обе они опираются на другую, методологически ведущую и скрепляющую их союз науку – лингвистику (поскольку она предлагает подлинную эвристическую модель).

Другое методологическое основание структурализма, которое также было обозначено в манифесте Леви-Стросса, это смысловой контекст использования знака Соссюром (позже будет специально развит Ж. Лаканом). Однако он подвергается некоторой корректировке, в частности лишается означаемого или, во всяком случае, роль последнего значительно уменьшается в пользу означающего. «Как и язык, социальное является автономной реальностью (впрочем, той же самой), символы оказываются более реальными, чем то, что они символизируют, а означающее предшествует и определяет означаемое». [56] Именно здесь зарождается проект глобализации всех наук о человеке, призванный реализовать обширную семиотическую программу, инициированную в свою очередь антропологией, единственно способной синтезировать их результаты. При этом горизонт междисциплинарного взаимодействия Леви-Стросс определяет на основе *канонического положения классического структурализма*: код предшествует сообщению, он от него независим, а субъект подчинен закону означающего. Именно на этом уровне находится *структуральное ядро* предпринятой им попытки. «Определение кода состоит в его выражении другим кодом: закон соответствия, который определяет эти отношения, и называется структурой». [57]

Особое, иногда даже выглядящее излишним, акцентирование внимания Леви-Строссом на то, что Мосс является инициатором программы структурализма вполне объяснимо тем, что таким образом он «отдает Моссу долг», поскольку именно последний вдохновил его на формулировку главного тезиса зарождающейся антропологии. *Теория взаимности действия*, сформулированная в «Опыте о даре», была расширена и систематизирована в «Элементарных структурах родства». При этом положенное в основу взаимности триединство действий (давать, получать, возвращать) было понято как основа обмена в матримониальных сообществах. Дар и контрдар позволяют выявить механизм становления целой сети соглашений, эквивалентностей, солидарностей; которая *универсальностью* своих правил превосходит эмпирическую данность. Именно на этом уровне запрет кровосмешения одновременно получает и такое описание, которое делает его понятным, и такой уровень универсальности, который превращает его в ключ для понимания определенной группы обществ. «Запрет кровосмешения, как и экзогамия, являющаяся результатом его расширенной социальной экспансии, это, прежде всего, воплощения правила взаимности. Содержание запрета инцеста не исчерпывается самим фактом запрета, последний установлен только для того, чтобы гарантировать и обосновывать прямо или косвенно, непосредственно или

опосредованно саму возможность обмена. [58] Следовательно, обмен находится в центре феномена перемещения женщин в брачных союзах и составляет подлинную структуру коммуникации, начиная с которой группы устанавливают свои отношения взаимности. Что-либо квалифицирует как инцест, конечно, не моральное осуждение, «веление сердца», а стоимость обмена, который лежит в основе социального отношения. Так для информаторов М. Мид, индейцев племени *Arapesh*, жениться на сестре, прежде всего, не имеет практического смысла, поскольку это означает лишиться зятя, а вместо него кто будет ловить рыбу и охотиться? «Инцест, прежде всего, абсурден социально, а морально виновен он лишь впоследствии». [59] «Эссе о даре» Мосса начинает новую эру, которую Леви-Стросс, желающий извлечь из него все возможные уроки, сравнивает с открытием комбинаторного анализа в современной математике. «Запрет инцеста – это в меньшей степени правило, запрещающее жениться на матери, сестре или дочери, и гораздо в большей степени правило, обязывающее отдать их Другому. Это, по преимуществу, воплощение правила дара». [60] В этом тезисе воплощено плодотворное понимание действительной сущности социальной связи, которое «Введение...» раскрывает с подлинным блеском. Если смотреть с точки зрения наследия Мосса, в исследовательской программе Леви-Стросса взаимно дополняют друг друга: основательный вклад фонологии, работ Трубецкого и Якобсона; их понятия факультативных и комбинаторных вариантов, групповых терминов, нейтрализации, которые позволяют совершить необходимые сокращения эмпирического материала. Создатель нового жанра «аналитической философии» В. Декомб [61] отмечает, что здесь Леви-Стросс лаконично определяет всю структуралистскую программу в целом: «Для меня структурализм – это теория символического во «Введении к произведениям Марселя Мосса»: независимость языка и правил родства, автономизация символического, означающего». [62] В свое время Леви-Стросс распрощался с философией и в дальнейшем всячески старался избежать философских рассуждений, однако в вопросе мировоззренческого обоснования структурализма оказалось, что мимо нее пройти невозможно. И здесь его взгляды отмечены известной близостью к позиции Канта, задолго до него желавшего привязать все социальные системы к категориям, задающим принципы (в его философии это категории ноуменальные). Мышление в этих обществах контролируется такими категориями *a priori*, каждый раз приспособляясь к тем или иным особенностям. И, тем не менее, в каждом из случаев мы находим один и тот же «Разум». Судьба распорядилась так, что эту кантовскую точку зрения Леви-Стросс унаследовал не тогда, когда занимался философией, а в процессе применения фонологии. При этом в определении Леви-Строссом символического нулевого значения слово в слово повторяется определение Якобсоном нулевой фонемы в 1949 году. Эта фонема противостоит всем остальным в том смысле, что она не имеет никакого дифференцирующего признака и постоянного фонетического значения, ее действительное предназначение лишь в том, чтобы быть противоположностью полному отсутствию фонемы. Для Леви-Стросса нахождение отправной точки системной организации составляет основу «космологии» культуры, представленной как

символический мир. «Это могло бы быть просто нулевое символическое значение, то есть знак, обозначающий необходимость дополнительного символического содержания к тому, которым уже обладает означаемое, но могущее быть каким-либо значением». [63] Усилия, предпринятые Леви-Строссом для развития идей Мосса, и успехи, достигнутые при этом, неоднозначно были восприняты научным сообществом. Справедливости ради нужно отметить, что были и попытки раскритиковать как одно, так и другое. Не только Гурвич считал использование Леви-Строссом наследия Мосса искажением действительного содержания главного труда последнего. К. Лефор в своей статье в «Новых временах» в 1951 году резко выступает против его программных работ, обвиняя предложенный им метод математизации как несущий опасность потери специфики самого означаемого механизма. Для Лефора сведение социальных феноменов к их символической природе представляется чуждым намерениям самого Мосса. «Не символ, а именно значение является его целью. Он стремится понять скрытое намерение, которое и определяет образы действия, а не выстроить логический порядок, в котором конкретное становилось бы лишь видимостью». [64]

Более того, объектом критики Лефора становится подспудный сциентизм исследовательской программы Леви-Стросса, его вера в некую реальность, лежащую более глубоко под реальностью математической. Он видит там также следы кантовского идеализма, который под термином бессознательного в сущности подразумевает трансцендентальное в кантовском смысле и проявляется через выражения «бессознательная категория» и «категория коллективной мысли». [65] В соответствии с этим Лефор пытается «опрокинуть» леви-строссовский идеализм, утверждая, что поведение реальных субъектов не выводится из трансцендентального сознания, а напротив строится посредством опыта. Кстати, дальнейшее развитие событий подтвердило, что как в программе, так и в попытках критики, предпринятых Лефором, есть рациональное зерно, которое в пятидесятых и шестидесятых годах послужит основой для всех дебатов и сражений вокруг структуралистского наследия.

Примечания:

1. Динамику см.: Stocking G. W. *Histoires de l'anthropologie: XVI – XIX siècles*. Paris, 1984. P. 421-431.
2. Jamin J. *Les enjeux philosophiques des années cinquante*. Paris, 1989. P. 103.
3. Lévi -Strauss Cl. *De près et de loin*. Paris, 1988. P.15.
4. Там же с.19.
5. Lévi-Strauss Cl. *Entretien avec J.-M. Benoist* // *Le Monde*, 21 janvier 1979.
6. Lévi-Strauss Cl. *De près et de loin*. Paris, 1988. P. 47.
7. Там же. P. 64.
8. Там же. P. 81.
9. См.: www.quaibrantly.fr
10. См.: Dosse F. *Histoire du structuralisme*. Tome 1. Paris, 1995. P. 29.
11. Холизм – одна из форм современной идеалистической философии, рассматривает сущее как иерархию целостностей, понимаемых как духовное единство, нематериальная структура. Принцип подчинения части целому является главным и определяет также характер отношений между примитивными и развитыми обществами.

12. Р. Будон, наряду с А. Туреном, М. Крозье и П. Бурдые, является одним из самых выдающихся французских социологов второй половины XX века. В 1967 г. выпустил книгу «Математический анализ социальных фактов». Основатель и глава позитивистского направления «Методологический индивидуализм». Из отечественных публикаций см.: Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М. Аспект пресс. 1998.
13. Lévi-Strauss Cl. *Le regard éloigné*. Paris, 1983. P. 145.
14. Lévi-Strauss Cl. *Tristes Tropiques*. Paris, 1958. P.49.
15. Lévi-Strauss Cl. *La pensée sauvage*. Paris, 1962. P. 155.
16. Dosse F. *Histoire du structuralisme*. Tome 1. Paris, 1955. P. 31.
17. Lévi-Strauss Cl. *Anthropologie structurale*. Paris, 1958. P. 19.
18. Radcliffe-Brown A.R. *The Study of Kindship Systems* // Journal of the Royal Anthropology Institute, 1941. P. 17.
19. Lowie R.H. *Exogamy and the Classificatory Systems of Relationship* // American Anthropologist. Vol 17.
20. Lévi-Strauss Cl. *De près et de loin*. Paris, 1988. P. 58.
21. Dosse F. *Histoire du structuralisme*. Tome 1. Paris, 1995. P. 33.
22. См.: Lévi-Strauss Cl. *La vie familiale et sociale des Indiens Nambikwara*. Paris, 1948; *Les Structures élémentaires de la parenté*. Paris, 1949.
23. Dosse F. *Histoire du structuralisme*. Tome 1. Paris, 1995. P. 34.
24. Там же.
25. Там же. P. 35.
26. Lévi-Strauss Cl. *Les Structures élémentaires de la parenté*. Paris, 1949. P. IX.
27. Sperber D. *Qu'est-ce que le structuralisme?* // Structuralisme en anthropologie. Paris, 1968. P. 26.
28. Lévi-Strauss Cl. *Les Structures élémentaires de la parenté*. Paris, 1967. P. 36.
29. Там же. P. 14.
30. Benoist J.-M. *La Revolution structurale*. Paris, 1980. P. 112.
31. Lévi-Strauss Cl. *Anthropologie structurale*. Paris, 1958. P. 39.
32. Lévi-Strauss Cl. *De près et de loin*. Paris, 1988. P. 63.
33. Lévi-Strauss Cl. *Anthropologie structurale*. Paris, 1958. P. 40-41.
34. См.: Jakobson R. *Six leçons sur le son et le sens*. Paris, 1976.
35. Цит. по: Lévi-Strauss Cl. *Anthropologie structurale*. Paris, 1958. P. 40.
36. См.: Simonis Y. *Levi-Strauss ou la passion de l'inceste*. Paris, 1980. P. 19.
37. Lévi-Strauss Cl. *Anthropologie structurale*. Paris, 1958. P. 79.
38. Там же. P. 58.
39. Там же. P. 71.
40. Основана в Париже около 1934 г. группой математиков, выпускников Эколь Нормаль (А. Картан, К. Шевалей, Ж. Дельсарт, Ж. Дьёдоне и А. Вейль). Ее коллективный псевдоним - намек на давнюю (примерно с 1880 г.) традицию школы, когда ученика, уличенного во лжи, приводя на беседу к директору и грубо шутя, представляли как «господин генерал Клод Бурбаки». В группу могли войти только молодые математики (выбывание после 50 лет обязательно). Цель создания группы – составление, основываясь на взглядах Д. Гилберта, аналитических обзоров разных отраслей математики. Группой создано 45 монографий общим объемом около 6000 страниц. – По Fremy D. et M. *Quid 1991*. Paris, 1990. P. 288.
41. Цит. по: Dosse F. *Histoire du structuralisme*. Tome 1. Paris, 1995. P. 41.
42. Agrégation (фр.) – конкурс на замещение должности преподавателя лица или высшего учебного заведения.
43. Beauvoir S. de *Les Temps modernes*, novembre 1949. P. 943.
44. Там же. P. 949.
45. Lefort Cl. *L'échange et la lutte des hommes* // *Les Temps modernes*, février 1951.
46. Pouillon J. *L'oeuvre de Claude Levi-Strauss* // *Les Temps modernes*, № 226, juillet 1956.

47. Antoine-Louis-Claude Destutt de Tracy (1754-1836) – философ, общественный и политический деятель, соратник Лафайета. Генерал, депутат Генеральных Штатов, член Французской Академии с 1808 г. Философская позиция близка к сенсуализму.
48. PUF – Presses Universitaires de France. Основано в 1921 г. в результате объединения трех издателей литературы по: философии (Алкан), истории (Леру) и общей направленности (Ридер). В настоящее время специализируется на выпуске научных и научно-популярных книг. Знаменито сериями: «Что я знаю?» (с 1941 г., 1500 названий, 160 миллионов проданных экземпляров на 43 языках) и «Квадрига».
49. Lévi-Strauss Cl. *De près et de loin*. Paris, 1988. P. 103.
50. Цит. по: Dosse F. *Histoire du structuralisme. Tome 1*. Paris, 1995. P. 44.
51. Hertz R. *Melanges de sociologie religieuse et folklore*. Paris, 1928. P. 10.
52. Об этом см. интервью Ж. Жамена в: Dosse F. *Histoire du structuralisme. Tome 1*. Paris, 1995. P. 44.
53. Lévi-Strauss Cl. *Introduction a l'oeuvre de Marcel Mauss // Mauss M. Sociologie et anthropologie*. Paris, 1968. P. XYI.
54. Там же. P. XXX.
55. Там же. P. XXXI.
56. Там же. P. XXXII.
57. Descombes V. *Le Même et l'autre*. Paris, 1979. P. 121.
58. Lévi-Strauss Cl. *Les Structures élémentaires de la parenté*. Paris, 1949. P. 64-65.
59. Там же. P. 556.
60. Там же. P. 552.
61. См. например его: Современная французская философия. М., 2000.
62. Цит. по: Dosse F. *Histoire du structuralisme. Tome 1*. Paris, 1995. P. 47.
63. Lévi-Strauss Cl. *Introduction à l'oeuvre de Marcel Mauss // Mauss M. Sociologie et anthropologie*. Paris, 1968. P. 1.
64. Lefort Cl. *Les Formes de l'histoire*. Paris, 1978. P. 17.
65. См.: Lévi-Strauss Cl. *Introduction à l'oeuvre de Marcel Mauss // Mauss M. Sociologie et anthropologie*. Paris, 1968. P. XXXI.

